

218
533

ВЛ. ГИЛЯРОВСКИЙ

ОТ АНГЛИЙСКОГО КЛУБА
К МУЗЕЮ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ
СОЮЗА С.С.Р.

и

л

26 $\frac{8}{533}$

ВЛ. ГИЛЯРОВСКИЙ

ОТ АНГЛИЙСКОГО КЛУБА В МУЗЕЮ РЕВОЛЮЦИИ

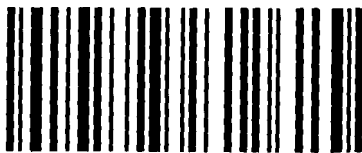
С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ххх - 24530

ИЗДАНИЕ МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ
МОСКВА — 1926

Обложка работы И. Л а р и о н о в а.
Заставки и концовки Д. Воропаева.
Под общим наблюдением Д. Галина.

286-4

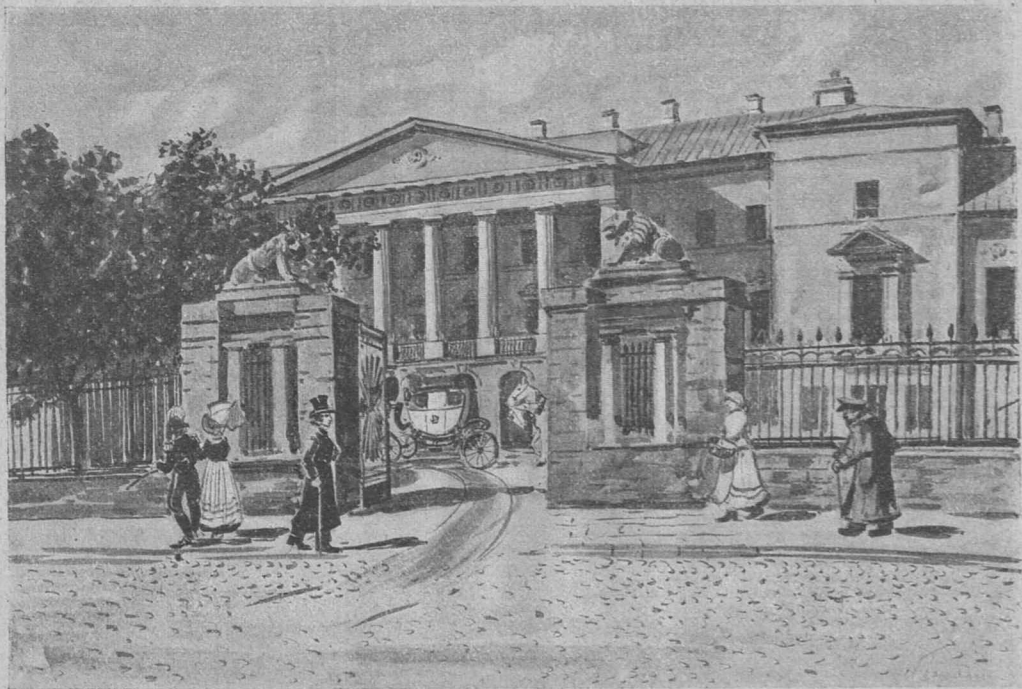

2010516901

Главлит № 61.109.

Тираж 3.000 экз.

27 тип. «Красная Печать» при издат. Ком. Академии. Москва, Остоженка, 10.

Английский клуб в 30-х годах пр. века. (Рис. А. Герасимова).

Дворец Разумовских

Это самое красивое здание на Тверской.

Его открыла нам Октябрьская революция. До того времени ряд магазинов скрывал удивительный фасад дворца восемнадцатого века. Октябрь смел эти пристройки, выросшие в первом десятилетии настоящего века, и перед глазами, на зеленом фоне сквера летом и на белоснежном зимой—розовый дворец с белыми стройными колоннами, с лепными работами. На фронте сверкает белый герб республики, сменивший золоченый графский герб Разумовских. В этом дворце—Музей Революции. В нем для всякого возможно теперь по эпохам проследить победное шествие великой русской революции, от декабристов до Ленина.

* * *

И, как введение в историю великой революции, как кровавый отблеск зарницы, сверкнувшей из глубины грозных веков, встречают входящих в Музей на площадке роскошного вестибюля фигуры Степана

Разина и его ватаги—скульптора Коненкова. А как раз над ним—полотно художника Горелова.

«Это с Дона челны налетели,
Взволновали простор голубой,
То Степан удалую ватагу
На добычу ведет за собой»...

Это первый выплыв Степана «вдоль по матушке по Волге». А вот и конец его: огромная картина Пчелина «Казнь Стеньки Разина»: Москва, площадь, полная народа—бояре, стрельцы... палач... И он сам на помосте, с грозно поднятой рукой, прощается с бурной бунтарской жизнью и вещает грядущее:

„С падением головы удалой
Всему, ты думаешь, конец—
Из каждой капли крови алой
Отважный вырастет боец“—

предсказывает грядущее Разин, и рука его, цепью гремющая, указывает вверх...

Поднимаешься на пролет лестницы—и дверь в Музей, в первую комнату, бывшую прихожую. Теперь ее название „Пугачевщина“—слово, впервые упомянутое в печати Пушкиным. А дальше за этой комнатой уже самый Музей с большим бюстом первого русского революционера—Радищева.

Разин и пугачевщина — это кровавые отблески прошлого. Но Пугачевская комната переносит меня в более близкие времена, когда здесь была прихожая чопорного Английского Клуба. А теперь здесь железная клетка, узкая, решетчатая клетка Пугачева.

На том почти самом месте, где теперь клетка, 90 лет тому назад стоял сконфуженный автор „Истории Пугачевского бунта“,—великий Пушкин.

Близ того места, где сейчас висят цепи Пугачева, которыми он был прикован к стене тюрьмы, тогда висела таблица, на которой стояли фамилии членов клуба, которым вход воспрещался впредь до уплаты долгов. Комната эта поэтому в шутку звалась „лифостротон“.

И рисует воображение дальнейшую картину: вышел печальный и мрачный поэт из клуба, пошел домой, к Никитским воротам, в дом Гончаровых, пошел по Тверской, к Страстной площади. Остановился на Тверском бульваре, на том месте, где стоит в наши дни его памятник, остановился в той же самой позе, снял шляпу с разгоряченной головы... Лето... Пусто в Москве... Все раз'ехались по усадьбам... Пусто в его квартире... Некуда идти... И видит он клуб, „львы на воротах“, а за ними ярко освещенные залы, мягкие ковры, вино, карты... и его любимая „говорильня“. Эта уютная комната... Длинные во всю стену мягкие диваны-„самосоны“, кресла, принимающие форму опустившегося тела и нежно охватывающие его, передвижные столики для кофе и ликеров, и отдых, иногда за пламенным разговором и горячим спором... голубые волны дыма от длиннейших трубок с Жуковским табаком. А там:

„Чета московских краснобаев

Михаил Федорович Орлов

И Петар Яковлич Чадаев

Витийствуют средь пошляков“.

Там его друзья — Чаадаев, Нащокин, Раевский... И пошел одиноко поэт по бульвару... а вернувшись в свою пустую комнату пишет А. С. 27 августа 1833 г. письмо жене: „Скажи Вяземскому, что умер тезка его, князь Петр Долгоруков, получив какое-то наследство и не успев промотать его в Английском клубе, о чем здешнее общество весьма жалеет. В клубе не был, чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет, надобно будет заплатить штраф 300 руб., а я бы весь Английский клуб готов продать за 200 рублей“.

Уже впоследствии Пугачев помог ему расплатиться с клубом, и он снова начал посещать его.

В письме к П. В. Нащокину А. С. Пушкин 20 января 1835 г. пишет: „Пугачев сделался добрым, исправным плательщиком оброка, Емелька Пугачев мой оброчный мужик... Денег он мне принес довольно, но как около двух лет жил я в долг, то ничего и не осталось у меня за пазухой, и все идет на расплату“.

* * *

И Пушкин и Грибоедов хорошо знали клуб. В „Горе от ума“ грибоедовская „Москва“ и многие типы его — члены Английского клуба. Как-то я нашел в извлечениях из „Журналов старшин клуба“, где записывались только обстоятельства, почему-либо „достопамятные“, следующее: „1815 г., предложенный от члена Сибилева из кандидатов в члены г-н Чатский по баллотированию не избран, вновь перебаллотирован и тоже не избран“.

Забаллотировали в Английский клуб — это событие: о нем говорила вся барская Москва. Кто такой Чатский — и почему он не избран? Но хочется предположить, что есть что-то общее с „Горе от ума“. По крайней мере, фамилия Чатский — это Чацкий. И является вопрос — за что могли не избрать в члены клуба кандидата, т.е. лицо уже бывшее в клубе около года до баллотировки из кандидатов в члены? Вернее всего, что за неподходящие к тому времени взгляды, которые высказывались г. Чатским в „говорильне“.

Те речи, те взгляды, монологи, которые мы читаем в „Горе от ума“, конечно, при свободе слова в „говорильне“ могли им произноситься, как кандидатом в члены, но при баллотировке в действительные члены его выбрать уже никак не могли и рады были избавиться от такого „якобинца“. „Фамусовы“, конечно, „Чацкого“ не выберут. Это мои предположения, но я глубоко уверен, что Чатский, забаллотированный в 1815 году, и Чацкий Грибоедова, окончившего пьесу в 1822 году, несомненно имеют общее. Во всяком случае писатель вспомнил почему-то такую редкую фамилию.

* * *

„Народных заседаний проба в палатах Аглицкого клуба“. Может быть, Пушкин намекает на политические прения Английской палаты лордов. Слишком близок ему был его друг П. Я. Чадаев, проводивший ежедневно вечера в Английском клубе, холостяк, не игравший в карты, а собиравший около себя в „гово-

рильные* кружок людей, смело обсуждавших тогда политику и внутренние дела. Некоторые черты Чаадаева Пушкин придал своему Онегину в описании его холостой жизни и обстановки...

С члена клуба Толстого-Американца Пушкин писал Зарецкого.

Герцен, в „Былое и думы“ упоминая Английский клуб, описывал кабинет Чаадаева и упоминает при этом того же Толстого.

* * *

— „Он возвратился и попал, как Чацкий, с корабля на бал“... И здесь, и у Пушкина, опять Чацкий... Кто же такой был Чатский? А ведь он, несомненно, был и сверкал в „палатах Английского клуба“... Был ли это предшественник Чаадаева, но во всяком случае „Чатский“ был, и о нем говорила „грибоедовская Москва“, как о забаллотированном кандидате клуба. Во всей истории клуба было забаллотировано из кандидатов только два, за сто лет его существования.

А Чатский был забаллотирован.

* * *

Сейчас, перечитывая бессмертную комедию, я еще раз утверждаюсь, что Чатский есть Чацкий.

Разве Фамусов, «Аглицкого клуба верный сын до гроба» — а там почти все члены были Фамусовы — потерпел бы такого якобинца в своей среде? А как забаллотировать? Да пустить слух, что он... сумасшедший!..

А весь монолог Репетилова разве это не портреты членов Английского Клуба.

Чацкий. В клубе.

Репетилов. В Английском.

У нас есть общество и тайные собрания.

По четвергам Секретнейший Союз!...

...Шумим, братец, шумим!

* * *

Конечно, и Чаадаев, о котором в связи с Английским клубом вспоминает и Герцен в «Былое и думы», был бельмом на глазу — исключить его было не за что, хотя он тоже за свои сочинения был объявлен сумасшедшим — но это окончилось благополучно; и Чаадаев неизменно, от юности до своей смерти 14 апреля 1856 года, был членом клуба, и, по преданьям, читал в «говорильне» Лермонтовское стихотворение на смерть Пушкина. Читал—а его слушали:

— Ничтожные потомки

Известной подлостью прославленных отцов...

В своих письмах Чаадаев два раза упоминает Английский клуб: 1) В письме к А. С. Пушкину в 1831 году:.. «я бываю иногда — угадайте где? В Английском Клубе! Вы мне говорили, что вам пришлось бывать там: а я бы рад вас встречать там, в этом прекрасном помещении, среди этих греческих колонн, в тени прекрасных деревьев»...

Потом, уже перед концом своей жизни, Чаадаев, видимо, нуждаясь в деньгах, пишет своей кузине Щербатовой: «к довершению всего теперь кредит

в клубе ограничен 50-ю рублями, каковая сумма вашим кузенком уже давно исчерпана»...

За два дня до своей смерти Чаадаев был еще в Английском клубе и радовался окончанию войны *). В те времена в «говорильне» смело обсуждались политические вопросы, говорили и о войне и даже о крепостничестве.

И даже сам Николай I чутко и жутко прислушивался к этим митингам в говорильне и в важные политические моменты не без тревоги спрашивал приближенных:

— А что об этом говорят в Москве, в Английском Клубе?

Здесь в самые страшные Николаевские времена говорили беспрепятственно даже о декабристах. В том же «Журнале Старшин» 1826 г. сентября 24 записано: «офисиянт клуба Алексей Герасимов Соколов, пришел по утру убирать комнату, нашел на столе запечатанное письмо с надписью «Ивану Петровичу Бибикову, полковнику жандармов, прошу старшин вручить ему». Старшины по представлению им письма положили, пригласив г-на Бибикова, в присутствии его то письмо сжечь, а буде Бибиков изъявит желание получить его, как по подписи ему принадлежащее, в таком случае предоставить ему оное взять, которое однакож Бибиков не принял, а письмо в общем присутствии старшин было сожжено»...

*) Севастопольской — 1854 — 56 г.г.

Но в то время, когда либералы того времени читали запрещенные стихи и громили в «говорильне» действие правительства и жизнь крепостного права, за стеной, в соседней комнате, которая называлась «Инфернальная», шли неслыханные игры. Во времена крепостного права, в этой, поистине, «адской» комнате, благодаря одной карте, да что карте, благодаря одному очку, переходили в минуту из одних рук в другие сотни семейств крепостных крестьян, жена отделялась от мужа, дети от родителей, проигрывались имения, даже коляска и лошади, — дожидавшиеся своего барина на клубном дворе — и барин уходил домой пешком... И ужас в том, что играли разгоряченные, иногда нетрезвые, и — главное — играли на мелок, на слово, в долг... По правилам клуба денежные ставки не принято было выкладывать на стол. Благородное слово благородного человека ценилось как золото: проиграл, через 7 дней — не уплатил, и фамилия такого вывешивалась, как раз около того места, где висят теперь цепи Пугачева — и человек погиб! Исключен из Английского клуба! Все двери такому человеку заперты — прощенья нет. И заведомый взяточник и неуличный шулер не подадут такому руки...

Более ста лет существовал Английский клуб, основанный в Москве в восьмидесятых годах восемнадцатого столетия, закрытый Павлом I в 1796 году и вновь открытый после его смерти. Сперва в Москве он помещался в д. Гагариных, где теперь Ново-Екатерининская больница, потом после пожара 1812 г.

на том же Страстном бульваре, потом на Б. Дмитровке и, наконец, в 1831 г., в год свадьбы Пушкина, был переведен во дворец гр. Разумовской. И до сих пор уцелели еще упоминаемые Пушкиным «львы на воротах».

* * *

В печати не было истории этого интереснейшего дворца. Лишь в «Журнале Старшин» Английского клуба сказано, что здание это, принадлежащее ныне Московскому Английскому Клубу, воздвигнуто гр. Л. К. Разумовским еще до 1812 г.

Должно быть, на основании этого путеводитель по Москве, изд. М. и С. Сабашниковых, в 1917 году сообщает:

«Грандиозной архитектуры дом гр. Л. К. Разумовского на Тверской, ныне помещение Английского Клуба, построенный в 1812 — 14 годах».

Это неправда.

Дом поэта Хераскова

Итак, это не дворец, выстроенный Разумовским, а дом поэта М. М. Хераскова, автора *Россиады*. Выстроенный М. М. Херасковым, а потом записанный на его брата Александра во время похода на масонов *), в указателе «Москва 1799 года» упоминается он: «Дом А. М. Хераскова в Палашах (генерал-поручик)».

В книге М. Н. Загоскина «Москва и москвичи» изд. 1844 г. во 2 томе, стр. 128 сказано:

— «Главный корпус, в котором собственно помещается Английский Клуб, существовал гораздо ранее — это был дом знаменитого русского писателя Хераскова. Граф Разумовский только пристроил к нему флигеля (крылья) **).

*) Кто из архитекторов строил дворец Хераскова — неизвестно. Приписывают некоторые знаменитому Казакову — но это не удостоверяется. В сохранившихся в Историческом Музее пяти собственных альбомах Казакова с его работами в конце 18-го века нет ничего о доме Хераскова.

**) И опять кто пристраивал их — неизвестно. Называют Джилярди и работавшего с ним вместе А. Григорьева — но и это пока предположения.

Дом, где теперь Музей Революции, был революционным домом еще в начале второй половины 18-го века, когда он принадлежал Херасковым.

И более подходящего дома исторически — для музея нет...

Английский Клуб, бывший в другом помещении, был на подозрении. Когда в 1786 году по повелению Екатерины II были закрыты в Москве масонские ложи, московский главнокомандующий А. А. Прозоровский в тайном докладе Екатерине о московских масонах пишет в 1790 году: — «Но после того, когда Ваше Императорское Величество приказали Толю разорить все ложи (в 1786 г), с тех пор все оные собрания как Мартинистские, так и здесь, которые были между иностранцами масонские ложи в называемом Английском Клопе *), не собираются публично, а только партия Новикова собирается приватно и т. д.».

Здесь собирался у Хераскова первый московский кружок масонов, состоявший из 8 лиц: М. М. Херасков, кн. А. Черкасский, П. П. Тургенев, кн. Енгалычев, А. М. Кутузов, И. Г. Шварц, Н. И. Новиков **).

* * *

В 1786 году, во время гонения на масонов и одновременно на издания Новикова и его кружка, в масонской переписке, упоминается «брат Киновийон» — это розенкрейцеровское имя Новикова. Книги Новиковских кружков выходили сотнями экземпляров. Из рус-

*) По-английски пишется club „и“ выговаривается „О“, а „b“ мягко, среднее между „В“ и „П“. Отсюда: „Клоп“.

**) Ешевский. Сочинения по русской истории. М. 1900 г.

ских авторов по количеству книг, выпущенных этими изд-ми, первым стоит—М. М. Херасков,—13 названий.

В числе книг русских авторов есть несколько посвященных Елизавете Васильевне Херасковой, жене М. М., которую Н. И. Новиков прозвал «Российская де-ла-Сюз». Е. В., известная писательница своего времени, работала в нескольких журналах («Свободные часы», «Полезные увеселения» и др.). Судя по этому и посвящению ей авторами своих сочинений, она была близка Новиковскому кружку и как писательница и как хозяйка дома, где собирались масоны того времени. М. М. Херасков издавал несколько журналов, заведывал типографией Московского Университета с 1755 по 1770 г., затем был переведен в Петербург вице-президентом берхколлегии, где пробыл 7 лет, опять вернулся в Москву, где до самой кончины в 1807 г. продолжал свою ученую и писательскую деятельность и в Новиковских кружках до самого их закрытия.

В апреле 1792 года Новиков и его кружок были арестованы, книжные магазины опечатаны, книги увезены. Уцелели немногие — в том числе М. М. Херасков — автор *Россиады* был слишком крупен даже для «Екатерининских орлов».

* * *

В книге Семенникова (Госиздат. 1921 г.), «Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова», среди перечисленных изданий, упоминается книга, автором которой значится М. П. Чичагов. Это имя напомнило мне многое*).

*) В прошлом столетии, в 80-х годах я встречался с людьми, помнившими рассказы этого старика—масона,

Дом был выстроен во второй половине XVIII века поэтом Херасковым, где поэт жил с семьей до самой своей смерти. Дом стоял посреди огромного векового парка в несколько десятин, от Тверской вплоть до Козьего болота (теперь Козихинский пер.), и парк заканчивался тремя большими прудами, где устраивались катанья на лодках и иллюминации (теперь Трехпрудный пер.). При Хераскове была только одна часть дворца, средняя, а боковые крылья, а также фронтон с колоннами и ворота со львами были сооружены после 1812 г.

И в те времена дом Хераскова, спрятанный в старом парке, отделанный лепной работой, считался одним из лучших зданий столицы.

Во время пожара 1812 года он благодаря густому парку совершенно уцелел, и внутри и снаружи. Если и сейчас войти на чердак пристроек, то на стенах главного корпуса видны уцелевшие лепные украшения бывших наружных боковых стен.

И вот в этом среднем здании, еще до Великой Французской революции, собирались и работали вместе с Херасковым просвещеннейшие люди России, из которых многие были арестованы, как первые политические преступники.

Здесь, в библиотеке поэта, которая помещалась в зале с колоннами*)—бывшем кабинете Хераскова—а, может быть, и в большой гостиной, откуда выход в сад, происходили тайные заседания масонов.

в былые времена тоже члена Английского Клуба, который помнил также много и о „доме Хераскова“.

*) Где теперь отдел гражданской войны.

Английский клуб

Он основан в восьмидесятых годах восемнадцатого столетия в Москве на манер такого же, какой был в Петербурге, учрежденный в 1770 году.

При вступлении на престол Павла оба эти клуба были закрыты «за якобинство».

В 1802 году Московский главнокомандующий гр. Салтыков разрешил клуб и подписал устав*). Первые старшины были: Н. И. Баранов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, В. П. Нелидов, Н. Ф. Муравьев, кн. Д. Е. Цицианов, В. М. Галлидей и А. Т. Менсендейк. Клуб при 400 членах открылся в д. кн. Гагариных, у Петровских ворот, где теперь Ново-Екатерининская больница. К декабрю уже числился полный комплект членов—600. Забаллотировано было шестеро и в том числе известный актер, Сила Сандунов, муж знаменитой певицы Елиз. Сем. Сандуновой,—и на том же заседании, 20 декабря, был исключен из членов, по баллотировке, доктор Галлидей, учредитель клуба, «за разглашение во многих домах, что он имеет

*) См. в „Журнале Старшин“. (Устав Английского клуба с приложением,—изд. 1907 г. М.).

сомнение как в целости кассы, так и в верности счетов, вверенных одному из господ старшин, князю Дмитрию Евсеевичу Цицианову, чего однако же, по свидетельствованию всеми старшинами, не найдено». Привожу это сведение главным образом потому, что в нем назван кн. Цицианов, который упоминается Пушкиным. В своих записках от 8 марта 1834 г. у Пушкина сказано:

— «Вчера был у Смирновой. Цициановские анекдоты».

Пушкин несомненно и в Английском клубе встречался с Цициановым. В «Журнале старшин» напечатано:

«1830 года, марта 5 дня баллотировано предложение г.г. членов за подписью 103-х персон об избрании в почетные члены и поднесении пожизненного билета князю Дмитрию Евсеевичу Цицианову, как восстановителю ныне существующего Английского клуба, что и утверждено большинством баллов: 60 белых, черных 3».

Таков был почетный член, дядя А. О. Россети, которой А. С. Пушкин писал в альбом в 1832 г.:

...Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на бело...

Клуб начал существовать. На следующий год была
[установлена плата за обед—1 руб., за ужин—75 коп.

Выписано было газет на 89 руб., а именно: Петербургские ведомости—16 руб., Московские ведомости—9 руб., Коммерческие ведомости—8 руб., Сенатские объявления Петербургские—14 руб., Московские—8 руб., Новости Русской Литературы—6 руб., Вестник Европы—12 руб., Патриот, Журнал Воспитания—10 руб. и Политический журнал—6 руб. Иностранных газет было выписано на 709 руб. В 1805 г. утверждены цены: стакан лимонаду—10 коп., оршаду—10 коп., кофе порция—25 коп., чашка чаю—10 к., бутылка меда—5 коп., рюмка мороженого—25 коп., рюмка ликеру—30 коп. *)

При вступлении в члены клуба требовалось собственноручное заявление, и вскоре составила интересная коллекция автографов, так как известнейшие государственные люди, ученые и писатели того времени, состояли членами.

В 1806 году, 3 марта, клуб чествовал грандиознейшим обедом прибывшего в Москву кн. П. И. Багратиона.

Блестящее описание этого обеда у Л. Н. Толстого в «Войне и мире»: «Большинство присутствовавших были старые почтенные люди с широкими, самоуверенными лицами, толстыми пальцами, твердыми движениями и голосами».

В 1812 году, пожар Московский коснулся и дома Гагариных, стены которого уцелели, но все имущество, в том числе драгоценнейшая коллекция автографов, сгорело.

*) „Журнал Старшин“.

В 1813 году старшины клуба С. А. Хомяков, А. Н. Еропкин и Е. С. Васильев восстановили клуб и, собрав членов, открыли его временно, на 3 месяца в д. Бенкендорфа на Страстном бульваре, а потом перевели в д. Н. Н. Муравьева на Б. Дмитровке *).

Роскошно было в клубе, но о прислуге заботились настолько мало, что в холерное время 11 октября 1830 г. генерал-губернатору Д. В. Голицыну полиция Тверской части донесла, что прислуга клуба размещена весьма тесно. Голицын сделал выговор, и были приняты меры, а именно: для прислуги в гостиннице дома Полторацкого наняли несколько комнат помесечно, а с тем вместе постановлено было: **)

«Впредь женатых в услугу клуба не принимать, а пожелавшему жениться из числа клубной прислуги иначе сего не дозволять, чтобы жена его жила в наемной от него квартире, ибо жены и умножающееся семейство всякий дом сделают тесным».

Относительно одежды поварских учеников постановлено приказать, чтобы каждый из них имел: «тулуп, шинель байковую, куртку и шароваров 8, рубашек 4, колпаков 4, носков 3 пары, матрац, подушку, одеяло и кухонных ножей 1 пару».

*) В этом доме, против конторы Государственных театров помещался долго Катковский Лицей, а потом Кузнецовский притон—Салон-де-Варьете (Салоска).

**) „Журнал Старшин“.

Храм праздности

И так в первой половине прошлого столетия в палатах дворца Разумовского существовала протестующая ячейка, к которой прислушивался царь.

За 50 лет ранее в доме поэта Хераскова звучали речи масонов, закончившиеся арестом их.

Со смертью Чаадаева в 1856 году протестующая «говорильня» становилась мало - помалу другой.

Л. Н. Толстой, посещавший клуб в период 60 годов назвал его в «Анне Карениной» — «храм праздности». Но и Толстой, главным образом, вспоминает гоже «говорильню», — но уже не такую, что была в Пушкинские времена.

— «Князь Гагарин, введя в эту комнату Левина, назвал ее «умною». В этой комнате трое господ говорили о последней новости в политике».

В романе «Декабристы» он описывает клубные впечатления декабриста Волконского в 60 годах, вернувшегося из сибирской каторги:

— «Пройдя по залам, установленным столами, со старичками, играющими в ералаш, повернувшись к «инфернальной», где уже знаменитый «Пучин» начал

свою партию против «Компании», постояв несколько времени у одного из биллиардов, около которого, хватаясь за борт, семенил важный старичек еле попадал в свой шар, и заглянув в библиотеку, где какой-то генерал степенно читал через очки, далеко держа от себя газету, и записанный *) юноша, стараясь не шуметь, просматривал подряд все журналы...».

«...Он направился в комнату, где собирались умные люди разговаривать и знать значение и цену каждой вещи, и все знали, одним словом».

«Одна из особенностей «умной комнаты» состояла в том, что посетители ее знали, когда хотели знать, все, что делалось на свете, как бы тайно оно не происходило».

Вот почти и все, что есть в литературе об этом столетнем московском ярком дворянском гнезде.

Грибоедов, Пушкин и Толстой, два слова Загоскина, письма Чаадаева и Герцен. Да еще в дневниках П. И. Щукина есть несколько строк и кое-что в воспоминаниях о Федоре Толстом и в описании Москвы Никифорова.

И ничего нет удивительного. Разве обыкновенного смертного, простого журналиста, как бы он талантлив не был, пустили бы сюда?

— Нет и нет!

Если мне в конце прошлого и в нынешнем столетии удалось бывать в этом клубе—и то уже не как журналисту,—а как члену охотничьих и спортивных Обществ, где состояли одновременно и члены Английского клуба.

*) Записанный как гость.

Роскошь поразительная. Тишина мертвая, — кроме «инфернальной», *) где кипела азартная игра, — но уже на наличные: в начале этого века среди членов клуба появились богатые купцы, — а где купец, там денежки на стол!

Только хранил свой старый стиль огромный «портретный зал», длинный, сплошь установленный ломберными столами. Здесь шла скромная коммерческая игра в карты по мелкой, тихая, безмолвная. Играли только старички на своих десятилетиями насиженных местах. На каждом столе стояло по углам по четыре стеариновых свечи и было настолько тихо, что пламя их не колыхалось. Время от времени играющие мановением руки подзывали лакеев, которые безшумно, как тени, выросли неведомо откуда перед барином, молчаливо делающим какой-то им двоим известный жест. Тень лакея, такого же старого как и барин, исчезала, и через минуту рядом с ломберным столом появлялся сервированный столик, а на нем все, что требовалось заказчиком, ошибки не бывало.

Этот «портретный» зал назывался членами в шутку — «Детская» **).

Назывался он не в насмешку над заседавшими там старичками, нет, а потому, что там велась слишком мелкая игра, и играющие, как умные дети, молчали наравне с мундирными портретами по стенам: ни

*) Теперь зал гражданской войны.

**) Портретный зал ныне — Марксистский период — 1880-1900-ых годов.

звука. А чуть кто-нибудь возвышал голос в карточном споре, поднимались удивленно головы на виновника, а иногда и раздавался повелительный тсс!..

И все смолкало.

* * *

Вход в портретную был через аванзал, которым собственно начинался клуб. Аванзал *)—большая комната рядом с прихожей, с огромным столом по середине, на котором в известные дни ставились баллотировочные ящики, и каждый, входящий в эти дни член клуба, раньше, чем пройти дальше, сопровождаемый дежурным старшиной обязан был положить в ящик шары. Это были дни баллотировки в действительные члены.

По всем стенам стояли на высоких приступках удивительно покойные, мягкие диваны, где после обеда члены клуба и гости кейфовали в облаках дыма ароматных сигар, а в старину Жуковского табаку в трубках с сажеными черешневыми чубуками, которые лакеи зажигали длинными бумажками в то время, когда барин раскуривал.

Старички особенно любили сидеть на диванах и в креслах аванзала и наблюдать проходящих или сладко дремать. Еще на моей памяти были такие древние—ну, совсем князь Тугоуховский из «Горе от ума». Вводят его, в мягких замшевых или суконных сапожках, закутанного шарфом, или в аван-зал или в кофейную и усаживают в свое кресло Их было

*) Аванзал—теперь зал революционного народничества.

таких немного, но у каждого было излюбленное кресло, которое в его присутствии никто занять не смел:

— Кресло Геннадия Владимировича!

И садился старичек, и смотрел, и старался слушать, а потом тихо засыпал.

Старый лакей, который ему здесь служил еще при крепостном праве, знающий привычки своего старого барина, в известный час поставит перед ним столик с прибором и дымящейся серебрянной миской и нежно будит его, поглядывая на часы:

— Ваше превосходительство!

Часы в этот момент начинают бить девять.

— Ваше превосходительство, кашка поставлена.

— А? Уж девять!—Слышу.

Полакомится кашкой—и ведут его в карету.

Направо из аванзала вход во фруктовую *), где стояли столы с фруктами и конфетами, а за фруктовой большая парадная столовая.

Левая дверь из аванзала вела в портретную.

Следующая за портретной была кофейная комната—говорильня **). Но это была не та прежняя грозная говорильня, не та «умная» комната, описанная Толстым. Та прежняя говорильня, носившая в былые времена еще таинственное третье название «черно-книжная», стояла особняком от «храма праздности».

*) Между аванзалом и парадной столовой; в ней теперь—1-ый зал музея Ленина.

**) Кофейная или говорильня, между портретной и б. гостиной. В ней теперь—период „Искры“.

В нее был только один ход через фундаментальную *) библиотеку и через маленькую комнатку, отделявшую библиотеку от «говорильни». Она и помещалась в правом крыле здания, выстроенном уже при Разумовском. Это и была та самая «умная» комната, в которой витийствовал Чаадаев и друг Пушкина и Мицкевича — С. А. Соболевский, скончавшийся в Москве в 1879 г. Та комната, где после них заседали: Трубецкой, Лобанов-Ростовский, князь Грузинский, И. Е. Панин, а дальше Юрий Самарин, Уваров, профессор Дмитриев, Голохвастов, проповедывавший тогда идеи Земского собора.

Смолкли ораторы, смолкла «умная» комната...

А тут клуб начал нуждаться в средствах, и знаменитую «чернокнижную» ликвидировали старшины клуба, заложили наглухо из библиотеки дверь и вместе еще с двумя примыкавшими к ней комнатами в крыле здания совершенно изолировали и сдали в наем **).

Говорильню перевели в кофейную — проходную комнату рядом с портретной, также уютно обставили ее мягкими диванами, но это было уже не то. Это была не «чернокнижная», а «говорильня» и только «говорильня».

Отзываясь о первой «чернокнижной» с уважением и почтением, старые слуги клуба так характеризовали ее:

*) „Фундаментальная библиотека и читальня — ныне „зал Октября“.

**) Теперь здесь „Выставка 1905 года“.

— «Отдохновенно и сокровенно-с!»

А об этой можно было сказать только одно:

— «Отдохновенно».

Да здесь сокровенность и не требовалась... Во второй половине 70-х годов, во время Русско-Турецкой войны, здесь велись стратегические разговоры, отсюда военные политики шествовали в читальню к развешенным картам, переставляли флажки—движение войск, рассуждали и споры доканчивали здесь, в говорильне, на мягких диванах.

Кое-кто курил, кое-кто дремал...

В 80-х годах я помню «говорильню».

В одно из моих посещений клуба я проходил в читальный зал и в «говорильне» увидел старика-военного и двух статских, сидевших на диване в углу, а перед ними гигант в черном сюртуке с львиной седеющей гривой, полный энергии и порыва, то и дело поправляя свое соскакивающее пенсне, ругательски ругал «придворную накипь», которую по протекции рассылают по стране управлять губерниями. Это был известный винодел Лев Голицын, когда-то блестяще окончивший Московский университет, любимец профессора Никиты Крылова, известный краснбай, горячий до безумия спорщик, всегда громко хваставшийся тем, что он: «не посрамлен никакими чинами и орденами».

— Не служил и не прислуживался!

Военный был А. А. Пушкин—сын поэта. Как сейчас вижу и воображаю тень Пушкина-отца в «черно-книжной» слушавшего Чаадаева. А сын теперь в новой «говорильне» слушает, Льва Голицына.

Голицына тоже не долюбливали в Английском клубе за его резкие и не цензурные речи по тому реакционному времени, началу восьмидесятых годов. Но Голицын никого не боялся. Он ходил всегда, зиму и лето, в мужицком бобриковом армяке, широченном, и его огромная фигура обращала внимание на улицах. Извозчики, которым он всегда очень щедро, не торгуясь, платил, любили его и звали «диким барином». Татары в его кавказском имении тоже чувствовали, что и московские извозчики, и прозвали его, тоже любя, «Аслан Дели»,—сумашедший лев. Он бросал деньги направо и налево, никому ни в чем не отказывал, особенно учащейся молодежи, держал на Тверской, на углу Чернышевского переулка, рядом с генерал-губернаторским домом, магазин виноградных вин из своих великолепных Крымских виноградников— «Новый свет» и продавал в розницу хорошее красное и белое вино, чистое, натуральное по 25 копеек за бутылку:

— «Я хочу, чтобы рабочий, мастеровой, мелкий служащий пили натуральное хорошее вино!»

Помню в конце 90-х годов была большая политическая демонстрация, когда от дома генерал-губернатора расстреливали и разгоняли шашками жандармы толпу студентов и фабричных рабочих. При появлении демонстрации все магазины, конечно, на запор. Я был в этой толпе, видел, как упало несколько человек, видел как толпа бросилась к Страстному и как в это время из открывшейся двери своего магазина появилась в одном сюртуке, без шапки, с разве-

вающейся седой гривой, огромная фигура Голицына. Он кричал на полицию и требовал, чтобы раненых несли к нему на перевязку. Через минуту его магазин был полон спасающимися. Раненым делали перевязку в задней комнате дочь и жена Голицына, а сам он откупоривал бутылку за бутылкой дорогие вина вплоть до шампанского и угощал. Когда полиция стала врываться в двери, он прогнал ее и, запирая на ключ, крикнул:

— «Я именинник, это—мои гости!»

А тем временем через черный ход выпустил всех, кому опасно было попадаться в руки полиции, и на другой день в «говорильне» клуба возмущался произволом власти.

Конечно, такой член Английского клуба был не по ну-тру тайным советникам, но в «говорильне» его слушали.

* * *

Из ярких типов прошлого жизни «Храма праздности» более других выделялся Ф. Толстой. С. Л. Толстой в своей книге «Федор Толстой - американец» передает рассказ Новосильцевой о своем двоюродном дедушке.

«Шла адская игра в клубе. Все раз'ехались. Остались только Толстой и Нащокин. При расчете Федор Иванович об'явил, что Нащокин должен ему 20000 рублей.

— «Я не заплачу, сказал Нащокин,—вы их записали, но я их не проиграл.

— «Может быть, отвечал Толстой, но я привык руководствоваться своей записью и докажу вам это.

Он встал, запер дверь, положил на стол пистолет и сказал:

«Он заряжен, заплатите или нет?»

— «Нет.

— «Я вам даю десять минут на размышление.

— «Нащокин вынул из кармана часы и бумажник, сказал:

«Часы могут стоить 500 рублей, а в бумажнике 25 рублей. Вот все, что вам достанется, если вы меня убьете, а чтоб скрыть преступление, вам придется заплатить не одну тысячу. Какой же вам расчет убивать?»

— «Молодец, крикнул Толстой, наконец-то нашел человека!

С этого дня они стали неразлучными друзьями.

П. Ф. Перфильева *) в своем возражении Новосильцевой с негодованием говорит, что сцена, подобная описанной, невозможна не только в английском клубе, но и в любом шустер-клубе **).

Со своей стороны, я вполне присоединяюсь к последнему: во-первых такая крупная игра могла быть только в «инфернальной», около которой дежурит прислуга, а во-вторых—ни в одной зале, ни в одной комнате клуба, двери не запирались никогда, и внутреннего ключа или запора изнутри никогда не было. К Английскому клубу этот анекдот не относится. Далее в той же книге говорится:

*) Дочь Ф. И. Толстого, жена московского губернатора В. С. Перфильева.

**) Клуб низкого разряда.

«Вращаясь в Москве в светском обществе, дружа с видными представителями литературы, Толстому нельзя уж было исправлять «ошибки фортуны», ежели бы он делал это, например, в английском клубе, членом которого он состоял, то его исключили бы оттуда с позором».

Еще приводится рассказ А. А. Стаховича:

«В Английском клубе на субботнем обеде завязался горячий спор с одним из славянофилов Константином Аксаковым. Во время спора к Аксакову подошел незнакомый белый, как лунь, старец, с курчавыми волосами и выразил ему сочувствие, назвав его по имени».

— «Почему вы меня знаете?—спросил Аксаков,— разве я имел честь с вами встречаться?»

— «Нет, я с вами не встречался, но вас знаю по вашим статьям и речам. А обо мне вы, наверно, слышали: я тот, про которого сказано—«ночной разбойник, дуэлист, в Камчатку сослан был, вернулся алеутом и крепко на руку нечист».

* * *

На моей памяти были еще интересные типы среди членов Английского клуба. В начале восьмидесятых годов на всех обедах и во всех залах клуба сверкала совершенно лысая голова московского вице-губернатора, человека очень веселого, И. И. Красовского, при взгляде на которого все улыбались, так как вся Москва помнила наизусть кем-то пущенное про него четверостишие, кажется, Шумахером:

Краса инспекции московской
И всей губернии краса,
Иван Иванович Красовский,
Да где же ваши волосы?

Обер-полицмейстер А. А. Козлов, живший по-холостому в огромном обер полицмейстерском доме чуть ли не в одной комнате на своем кожаном диване, обедал и ужинал в английском клубе, если в эти часы не случалось пожара. Козлов не пропускал ни одного значительного пожара. По установленному издревле порядку о каждом пожаре посетители английского клуба извещались. Входил специальный слуга в зал, звонил звонком и тихим бархатным голосом извещал:

• В городской части № 5 на Ильинке.

В Рогожской, в Дурном переулке пожар № 3.

И с первым появлением вестника пожара выскакивал Козлов, будь то обед или ужин, и мчался на своей лихой паре, на ходу переодеваясь в непромокаемый плащ и на голову надевая каску, которая всегда была в экипаже. С пожара он возвращался в клуб доедать.

Интересные люди собирались иногда в кофейной. Помню, на диване сидели старички: А. А. Пушкин. П. И. Бартенев, историк, издатель «Русского Архива», К. К. Тарновский, драматург, и рядом с ним высохший и маленький столетний Г. В. Грудев, старейший гласный Городской Думы, член клуба с грибоедовских времен.

А перед ними, на кресле, такой же седой, как и они, но с богатой шевелюрой и бородой веером—хоть

Нептуна, владыку морей, с него пиши—сидел известный коннозаводчик и автор мемуаров, поклонник Пушкина и друг Гоголя, А. А. Стахович. Старики делились воспоминаниями. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Грибоедов были темой их бесед... Бартенев что-то записывал в книжку... До меня ясно долетали только слова Стаховича о последних днях жизни Гоголя. Когда начинал говорить едва слышно Грудев,—все склонялись к нему. Бартенев вынул книжку и записывал. Я ушел. Ни с кем из них тогда не был знаком. Уже через долгое время я был в имении Стаховича, в Пальне, Елецкого уезда, где видел в парке прекрасный памятник Пушкину, который поставил Стахович, его поклонник.

За кофейной следует большая гостиная *); в ней, как в портретной, ломберные столы заняты очень крупными игроками в коммерческие игры. Десятками тысяч рублей здесь кончались пульки и робера.

За большой гостиной следовала «галлерей» (теперь зал реакции)—длинная комната, проходная в бильярдную и в читальню.

Бильярдная **)-хранила старый характер, описанный Толстым. Даже в день моего последнего посещения клуба в 1912 году я видел там китайский бильярд, памятный Толстому. На этом бильярде ***)

*) Теперь зал 1905-го года.

**) Теперь зал февральской революции.

***) Подтверждено биографом Л. Н. Толстого, П. И. Бирюковым.

Лев Николаевич в 1862 году проиграл проезжему офицеру, гостю, тысячу рублей и пережил неприятную минуту: денег на расплату нет, а клубные правила строги—могут исключить из членов за неуплату долга. Чем бы это кончилось неизвестно, но на счастье, и на несчастье Толстого в клубе находился М. Н. Катков—редактор «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей», который, узнав в чем дело, «выручил» Толстого, дав ему займы тысячу рублей для расплаты, и в следующей книге «Русского Вестника» появилась повесть Толстого «Казаки»^{*)}).

В левом углу большой гостиной была дверка в «инфернальную», а из последней в «старшинскую» ^{**)} комнату, где происходили экстренные заседания старшин в случае каких-нибудь споров и недоразумений с гостями или членами. Рядом со «старшинской» был внутренний корридор и комната, которая у прислуги называлась «ажидация». В крепостные времена тут ливрейные лакеи азартных игроков, засиживавшихся в «инфернальной», до утра ожидали своих господ и дремали на барских шубах, расположившись на деревянных диванах. Единственный проход с шубами был через расхожую библиотеку и коридор. Эта «ажидация» для выездных лакеев, которые приезжали сюда еще на запятках карет и саней, была клубом. Они здесь судачили, сплетничали и всю

^{*)} Здесь комнаты перестроены еще в 1915 году, при устройстве госпиталя.

^{**)} То же.

подноготную про своих господ разносили повсюду. То же самое и кучера, ждавшие всю ночь на морозе, на дворе перед фасадом, согреваясь вокруг костров, и распивая сбитень *) у толкущейся целую ночь на дворе толпы сбитенщиков. Одетые в остроугольные обшитые галунами шапки и воланы дорогого сукна, толсто подбитые ватой, спасавшей их от мороза и от понуканий в спину сапогом и по шее кулаком господ, тоже сплетничали во-всю.

И многие кучера, греясь у костра, не знали—с кем им придется ехать со двора—и куда: домой ли, или новый барин, выигравший лошадей, с экипажем и кучером, отправит куда-нибудь их к себе в глухую деревню...

Пили сбитень и ждали своей судьбы, решающейся в «инфернальной комнате».

За галлереей и биллиардной чудный читальный зал, в котором помещается и фундаментальная библиотека. Другая библиотека клуба, расхожая,—рядом с прихожей, теперь в ней декабристы и крепостное право. Публики—никакой. Сядешь в мягкое кресло. Ни звука. Только тикают старинные часы. Зеленые абажуры над красным столом с уложенными в удивительном порядке журналами и газетами, к которым редко прикасаются.

*) Сбитень, модный в старину московский напиток из меда и пряностей. Сбитенщики ходили по улицам с своими кипящими особого устройства самоварами, со связками калачей через плечо и продавали этот вкусный горячий напиток стаканами мерзшим от холода извозчикам и торговым служащим холодных лавок.

Безмолвно и важно стоят мраморные колонны, поддерживающие расписные своды — творчество художников Екатерининских времен.

Поблескивают золотыми надписями кожаные переплеты сквозь зеркальные стекла стройных шкафов. Тишина, полный отдых. Окна занавешаны. Только в верхнюю полукруглую часть лучистого окна, не зашторенную, глядит темное небо, холодное и покойное, как этот мрамор.

Великолепные колонны с лепными карнизами переходят в грозно покойные своды. Сквозь полумрак рельефно выступает орнамент—головы каких то рыцарей.

Верхний полукруг окна осветился выглянувшей из-за облака луной и снова померк... Часы бьют полночь. С 12-м ударом этих часов в ближайшей зале забили другие—и с новым 12-м ударом в более отдаленной зале густым бархатным басом бьют старинные английские часы, помнящие севастопольские разговоры, и—может быть—эпиграммы на царей Пушкина и страстные строфы Лермонтова... В Английском клубе в те времена смелому можно было все говорить и читать. Ведь уцелел же Чаадаев...

Праздники

В ярком блеске «храм праздности» представлялся в дни торжественных обедов.

К 6 часам в такие праздники обжорства клуб полон гостей и членов. Старики, молодежь, мундиры, фраки... Стоят кучками, ходят, разговаривают, битком набита ближайшая к большой гостиной говорильня, шумящая голосами в облаках дыма. А двери в большую гостиную*) затворены. Там готовится огромный стол с выпивкой и закуской...

— Сезон блюсти надо,—уговаривал старшина по хозяйственной части П. И. Шаблыкин, великий гурман**), проевший все свои дома.

— Сезон блюсти надо, чтобы все было в свое время. Когда устрицы фленсбургские, когда остендские, а когда крымские. Когда лососина, когда семга... Мартовский белорыбий балычок с свежими огурчиками в августе не подашь!

*) Впоследствии эту закуску перенесли из большой гостиной в портретный зал.

**) Гурман — лакомка.

Москва,

1913 г.

По порученію Г.г. Членовъ, Старшины
Московского Англійскаго Клуба имѣють честь
покорнѣйше просить Васъ пожаловать въ Клубъ,
въ *Субботу 18* Мая, въ 8½ часовъ вечера
къ общенному столу.

Покорнѣйшая просьба быть Г.г. Военнымъ—въ кителяхъ. Г.г. Гражданскимъ—въ смокингахъ или лѣтнихъ скюртакахъ.

Пригласительный билет Англійскаго Клуба.

И все это у него было к сезону—ничего не пропустит. А когда, бывало, к новому году с Урала в Питер везут «презент,»—багреную икру зернистую и рыбу—первым делом ее пробуют в Англійском клубе—а потом уж цари поедят.

Стол закусок бывал поразительный... Настойки тоже по сезону: на почках березовых, на почках черносмородинных, на травах, на листьях—и воды разные шипучие—секрет клуба...

Стол заставлен редкостями.

Но часы в залах, одни за другими, бьют шесть. Двери в большую гостиную отворяются, голоса смолкают и начинается шарканье, звон шпор... Толпы устремляются и окружают закусочный стол. Пьют

«под селедочку», «под парную белужью икорку», под «греночки с мозгами», под «горячих жареных устриц»... Ровно час пьют и закусывают. Но вот из залы—читальни доносится первый удар часов—семь—и дежурный звучным баритоном покрывает чоканье рюмок и стук ножей.

— Кушанье поставлено.

Часы продолжают бить во всех залах и все смолкло.

Блестящая вереница человек в четыреста движется через «детскую», аванзал и «фруктовую» в большую столовую, отделенную от собственно клуба аванзалом.

Занимают места, кто какое облюбует.

На хорах—оркестр музыки. Под ним, на эстраде хоры или цыганский, или венгерский, или русский, от Яра.

Уселись. Старейший цыган Федор Соколов*) повел седым усом, сверкнул глазами, притопнул ногой, звякнул струной гитары и грянул цыганский хор.

А налево столы, уставленные дымящимися кастрюлями—около них замерли, как алебастровые статуи, в белых одеждах и накрахмаленных белых колпаках, с серебряными черпаками в руках, служители богини кулинарии, поклониться которой и насладиться ее дарами пришли сюда жрецы храма праздности.

* * *

До сороковых годов Английский клуб шиковал обедами, которые были платными, а иногда бесплатными

*) Содержатель хора и запевало.

по случаю чествования каких-нибудь лиц, или событий. Таков был обед 12 апреля 1833 года, данный клубом в честь московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, избранного почетным старшиной клуба: 1) обед с десертом, 2) столы убрать деревьями и цветами, 3) пригласить две музыки и трех артистов для пения при столах на сей случай сочиненных куплетов, 4) шампанское подавать за счет клуба. Сочинены были на сей случай артистами Московского театра Варламовым, Лавровым и Петровым куплеты. Праздник стоил клубу 6913 руб. Обедали 613 членов и гостей. В послеобеденное время был приглашен хор цыган. Так развлекались члены «храма праздности», слушая хоры. Других увеселений тогда не было. Впрочем раз старшины клуба, желая на праздниках доставить особое удовольствие членам клуба и гостям, 24 января 1842 года пригласили приехавшего в Москву фокусника Боско, про которого говорит Расплюев в «Свадьбе Кречинского»:

— «Боско из кулака букеты жертвовал, из шляпы вино лил, красное и белое». Так тогда развлекались в Английском клубе, куда доступ простому смертному был невозможен... Даже знаменитые артисты не имели права быть членами клуба: когда предложили выбрать в члены Щепкина и Самарина, некоторые члены постановили возвратить билеты. Только в 60-х годах избраны были в члены Пров Михайлович Садовский и Сергей Васильевич Шумский, а в 90-х годах — М. П. Садовский и А. И. Южин, до закрытия клуба состоявшие членами.

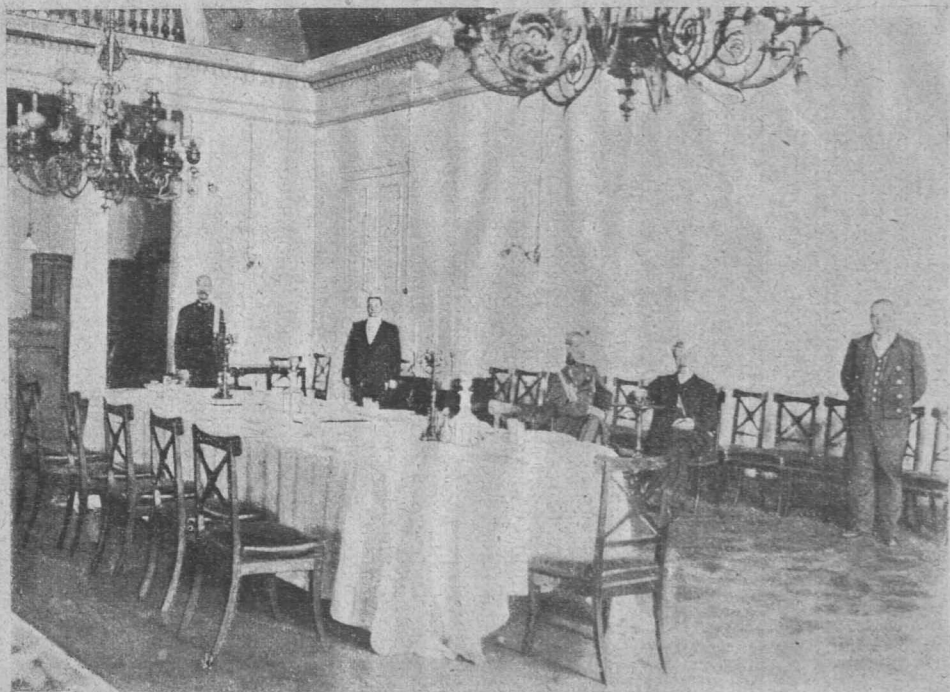
Женщины никогда не допускались в клуб,—даже полы мыли мужчины.

Только один раз в каждое царствование делалось исключение для семейств членов клуба; это был день торжественного въезда коронуемого царя в Москву, из Петровского дворца в Кремль. Тогда двор клуба застраивался высокими трибунами, от самого здания до решетки со львами. На трибунах помещались зрители, богато разодетые дамы с детьми.

После царского проезда семьи приглашались на торжественный завтрак в клуб, сервированный в большой столовой, и им для обозрения были открыты залы: «портретная», «кофейная», большая гостиная и галерея с открытым балконом и спуском в сад, где после завтрака сервировался чай. Далее же все комнаты, за исключением примыкающей к галлее бильярдной, были закрыты. Таким образом дамы в помещении клуба за все время его существования в этом дворце были всего три раза: в 1856 году в коронацию Александра II; в 1883 в коронацию Александра III и в 1896 году в коронацию Николая II.

На большие обеды в столовой иногда допускались женские хоры, русский, цыганский и венгерский, но они входили через черный ход, через маленькую дверку в столовую, которая от клуба изолирована.

В старину торжественно праздновали царские дни. Особенно ярок был тогда один такой праздник 22 июля, Марьян день, именины двух императриц. В этот день в Петровском парке было многолюднейшее гулянье и катанье, на котором щеголяла

Уголок столовой в 90 годах пр. века.

выездами и нарядами дворянская и купеческая Москва. И члены Английского клуба, конечно, были яркими участниками катаний.

К шести часам вечера дорогие запряжки выделялись из сплошной вереницы экипажей,двигающихся по Тверской и въезжали в ворота со львами и останавливались у под'езда. Из коляски выходили мужчины во фраках и цилиндрах, в блестящих мундирах, по случаю царского дня, шли в клуб на парадный обед, а разряженные в пух и прах дамы и дети, высадив главу семейства, уезжали обедать домой.

Оскудение

Сошел на-нет и этот праздник. У большинства дворян не осталось роскошных выездов. Дела клуба стали слабнуть—вместо шестисот членов осталось двести. Понемногу стал изменяться устав клуба и по новому уставу стало допускаться в члены именитое купечество.

Люднее стало в клубе, особенно в картежных комнатах, так как единственно Английский клуб пользовался правом допускать у себя азартные игры, тогда строго запрещенные в других московских клубах, где шла игра тайно, опасаясь полиции, а в Английский клуб, где почетным старшиной был генерал-губернатор, а обер-полицмейстер постоянным членом, полиция не смела и нос показывать.

И вот в это время образовались в кассе кое-какие суммы, а старшина клуба Пав. Ив. Шаблыкин, кому принадлежало чуть не полквартала в этом месте, а в том числе и дом, где помещался клуб, предложил клубу приобрести у него дом в собственность, что и совершилось в 1894 году. Перешел собственно не весь дом полностью, левое крыло не то осталось за

владельцем, не то принадлежало кому-то из его родственников, живших там. Оно отделялось от клуба глухой стеной, примыкавшей к столовой, где эстрада и хоры, а по ту сторону стены находилась интереснейшая большая комната с колоннами и хорами. Говорили, что это была прежде домовая церковь, а кто говорил, что концертная зала, выстроенная знаменитым архитектором Джиларди. Таким образом, дом был приобретен клубом без левого крыла. Земли под двором и садом было 2400 квадратных саженей, т.-е. ровно десятина. Правое крыло, отделяемое от клуба стеной читальни, было сдаваемо под квартиры. Там между прочим десятки лет помещалась лучшая в Москве художественно-рамочная мастерская, а внизу были торговые заведения.

Перешел дом клубу, а Москва все-таки иначе не говорила—дом Шаблыкина. Фамилия эта была десятилетиями связана с клубом: с 20-х годов дом был приобретен из третьих рук после Разумовских богатым барином Ив. Пав. Шаблыкиным, который в 1831 г. с переездом клуба сюда был избран старшиной, а после его смерти был избран старшиной его сын Павел, и после смерти последнего старшиной до самой революции был его сын Иван Павлович *).

* * *

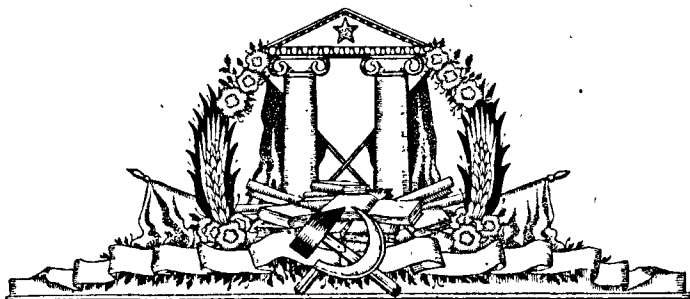
После революции 1905 года, когда во всех клубах стали свободно играть во все азартные игры, опять

*) У Разумовских дом купил кн. Вяземский, потом Тимашева-Беринг, которая и перепродала Шаблыкину.

дела клуба ослабли, пришлось изобретать способы добычи средств, избрали для этой цели особую комиссию. Избранники додумались использовать пустой двор возведением на нем по линии Тверской вместо стильной решетки и ворот с историческими львами — ряда торговых помещений.

Несколько членов этой комиссии возмутились нарушением красоты дворца и падением традиций. Подали особое мнение, в котором между прочим было сказано, что «клубу не подобает пускаться в рискованные предприятия, совсем неподходящие к его традициям»... и закончили предложением «не застраивать фасада дома, дабы не очутиться на задворках торговых помещений».

Пересилило большинство новых членов, и Английский клуб, исторический дом поэта Хераскова, дворец Разумовских, очутился на задворках торговых помещений!..

Революция

Великолепный дворец очутился на задворках торговых помещений, а дела клуба становились все хуже и хуже... и публика другая, и субботние обеды—парадных уже не стало—скучнее и малолюднее... Обеды накрывались на 10 — 15 человек, да и то обедало меньше. Последний парадный обед, которым блеснул клуб, был в 1913 году в 300-летие дома Романовых.

А там грянула империалистическая война. Половина клуба была отдана под госпиталь. Собственно говоря для клуба остались прихожая, аванзал, портретная, кофейная, большая гостиная, читальня и столовая. А все комнаты, выходящие на Тверскую, пошли под госпиталь. В лучших лежали раненые и больные, а другие пошли под служебные комнаты госпиталя. Были произведены перестройки. Для игры inferнальная была заменена большой гостиной,

где металы бакарра*), на поставленных посредине столах играли в железку, а в «детской», по-старому, шли игры по маленькой. В таком виде клуб влачил свое существование до «Октября», собственно до начала 1918 года, когда самый клуб захватило и использовало для своих нужд сначала какое-то одно учреждение, потом другое.

Пожар двенадцатого года и Наполеоновское нашествие пощадили дом поэта Хераскова; уцелел он и в годы революции. Но Английский клуб революция тронула, и только Комиссия по охране памятников искусства и старины сумела сохранить многое.

В 1918 году помещение клуба было занято продовольственной комиссией—только что начинавшей образовываться, еще недисциплинированной тогда милиции: картузы на затылок, чубы нечесанные, винтовки вверх прикладом, ржавые шашки, которыми на ломберных инкрустированных столах хладнокровно, будто именно так и надо, полуголодные усталые люди рубили селедку, деля одну рыбешку на десятиерых. На лестницах и в залах—сор и грязь, коробки из под консервов валяются по полу. Потом милиция здесь устроила какой-то склад.

— Озорства особого не было. Вот только в саду вазы с галереи посшибали, и как только их угрозило,—объяснял мне кто-то из бывших служащих, когда я посетил разоренное помещение, уже опустевшее.

*) Азартная игра.

Из гостиной клуба шикарная балконная дверь выходит в сад на широкий отлогий спуск, на каменных столбах в перилах которого с той и другой стороны стояли огромнейшие, весившие десятки пудов, каменные вазы. И вот их то свергнули. Страшную, нечеловеческую силу надо было иметь для этого. И как их угораздило? Это единственный вопрос, другого вопроса: зачем они это сделали? задавать не надо: это был разрушительный период революции. Может быть в этом случае была месть роскоши и богатству или просто

— На кой они!

Это все было понятно и допустимо в то время.

Я помню гораздо худшее. Нечто более бессмысленное бывало и в самое мирное время. В начале восьмидесятых годов в Останкине, в Шереметевском парке около дворца, в одно прекрасное утро саловники были поражены: у всех драгоценных мраморных статуй были отбиты носы!

Только одни носы и довольное аккуратно и дочиста. Этим возмущались и в газетах, но виновники так и не были найдены.

А покойный рассказчик и писатель Иван Федорович Горбунов в своем дневнике купеческого сына пишет:

«Был у тятеньки на фабрике и ночью в окнах все до одного стекла перебил! Давно я эту мысль в уме своем лелеял».

А вы говорите революция!

* * *

30 декабря 1921 года иду в бывший Английский клуб. Отворяю входную дверь. Пусто, темно, грязно. Лестница завалена ящиками, досками и обломками разной мебели. Вхожу в бывшую приемную. Пусто и мусорно. Выходит в шубе комендант здания, бывший служащий клуба. Иду с ним дальше, в помещение музея «Старой Москвы». За столами сидят и работают закутавшиеся люди. Иду дальше в следующие залы клуба, где фонд. Холодные, неуютные, ободранные с грязным полом залы, забитые картинами, мебелью и другими музейными предметами, свезенными сюда во время разрушительного периода революции из разных хранилищ.

* * *

Помещение клуба начинает оживать. По четвергам—собрания «Старой Москвы». Несмотря на холод, зал всегда полон. Читаются рефераты по Старой Москве. Во время заседаний согреваемся чаем с черным хлебом. Сахар приносим в кармане. Во время прений дрогнем в шубах.

* * *

Наконец, 12 ноября 1922 года в обновленных залах бывшего Английского Клуба открывается торжественно выставка «Красная Москва», начало «Музея Революции». Это—первая выставка, начало Революционного Музея в «Храме Праздности».

Выставка открылась в 6 час. вечера 12 ноября. Ярко горит электричество в холодных, несколько лет

Протавда Красной Москвы

12 ноября 1922 г.

Александровский Клуб

Одесса

Саркисов

Владимир

Михайлов

Михайлов

Бухарин

Н. З. Мухоморов

А. Керенский

Борис

12/11

Автографы из альбома В. А. Гиляровского.

неотопленных роскошных залах Английского клуба. Красные флаги расцвели холодный мрамор старинных стен. Через «аван-зал» иду в «портретную», откуда доносятся говор, шарканье ног, прорезаемый иногда звоном шпор... Тот же неясный шум, как тогда, во время парадных обедов, когда в «портретной» сервировалась закуска на сотню гостей...

Вхожу. Тот же «портретный» зал. Только портреты другие. На стенах портреты и фотографии бойцов Октябрьской революции в Москве.

Зал переполнен. Наркомы, представители учреждений, рабочих организаций... Пальто, пиджаки, кожаные куртки, военные шинели... В первый раз за сто лет своего существования зал видит в числе почетных гостей — женщин. Гости собираются группами около уголков и витрин — каждый находит свое, близкое ему по переживаниям.

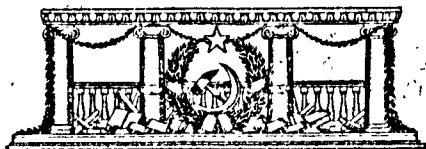
Стенки, увешанные оружием, обрамляющим фотографии последних московских боев, собрали современников во главе с наркомами... На фотографиях эпизодов узнают друг друга... Говорят...

«Бойцы вспоминают минувшие дни

И битвы, где вместе рубились они».

Москва.

1919 — 1926.

Цена 50 коп.

12748

Б
СКЛАД ИЗДАНИЯ: МОСКВА, Тверская, 59.